

ДЖУЛИЯ КУИН

БРИДЖЕРТОНЫ

ПРЕДЛОЖЕНИЕ
ДЖЕНТЛЬМЕНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К89

Серия «Хиты экрана: Бриджертоны»

Julia Quinn

AN OFFER FROM A GENTLEMAN

Перевод с английского *М. Кузиной*

Компьютерный дизайн *Я. Половцевой*

Печатается с разрешения Avon,
an imprint of HarperCollins Publishers,
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Куин, Джулия.

К89 Предложение джентльмена : [роман] / Джулия Куин ; [перевод с английского М. Кузиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 352 с. — (Хиты экрана: Бриджертоны).

ISBN 978-5-17-135962-1

Перед вами — самая забавная, самая романтическая версия «Золушки», которая только может существовать в жанре любовного романа!

Это история юной Софи Бекетт, сбежавшей от коварной мачехи на бал-маскарад — и повстречавшей там совсем не принца.

Потому что легкомысленный повеса, ловелас и покоритель сердец Бенедикт Бриджертон может, конечно, открыть для неопытной девушки двери в соблазнительный мир пылкой страсти, но вряд ли способен принять на себя роль спасителя. Или... способен? Ведь настоящая любовь творит чудеса!..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-135962-1

© Julie Cotler Pottinger, 2001
© Перевод. М. Кузина, 2021
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2024

Пролог

Все знали, что Софи Бекетт незаконнорожденная.

И всем слугам было об этом известно. Но они любили малышку Софи. Они полюбили ее с самого первого дня ее появления в Пенвуд-Парке, когда дождливой июльской ночью обнаружили на пороге дома трехлетнюю крошку, закутанную в огромное пальто. А поскольку они любили ее, то сделали вид, что поверили шестому в роду Пенвудов графу, когда тот сообщил им, что Софи — осиротевшая дочь его старого друга. И хотя все заметили, что зеленые, как мох, глаза Софи и темно-русые волосы — точь-в-точь как у графа, овал лица — как у его недавно умершей матери, а улыбка — точная копия улыбки его сестры, никто об этом и словом не обмолвился из жалости к Софи и из боязни лишиться места.

Граф, Ричард Ганнингуорт, никогда не говорил ни о самой Софи, ни о ее происхождении, однако ему наверняка было известно, что она незаконнорожденная. Никто не знал содержания письма, обнаруженного экономкой в кармане пальто в ту самую дождливую полночь: граф сжег его тотчас же по прочтении. Понаблюдав за тем, как бумага вспыхнула, обуглилась, съежилась и рассыпалась в прах, граф приказал приготовить для Софи детскую. Там она с тех пор и жила. Он звал ее Софи, а она его — «милорд», и встречались они, только когда граф возвращался домой из Лондона, что бывало нечасто.

Но самым главным, пожалуй, было то, что Софи знала о своем происхождении, и знала об этом, похоже, всю

жизнь, хотя откуда — сказать не могла. Из своей прошлой жизни, до приезда в Пенвуд-Парк, она мало что помнила, однако долгое путешествие в карете через всю Англию врезалось ей в память, равно как запомнилась и бабушка, худая как щепка старуха, которая, беспрестанно кашляя и сморкаясь, сообщила, что теперь малышка будет жить со своим отцом. Но отчетливее всего запомнилось то, как она стояла у двери под проливным дождем, зная, что бабушка прячется в кустах и ждет, когда Софи заберут в дом.

Когда это произошло и Софи отвели к графу, он, взяв ее за подбородок, повернул лицом к свету. Они оба понимали, кто есть кто.

Итак, все знали, что Софи незаконнорожденная, но никто об этом не говорил, и всех такое положение вещей вполне устраивало.

Так продолжалось до тех пор, пока граф не надумал жениться.

Софи обрадовалась, когда об этом услышала. Экономка узнала от дворецкого, что, по словам секретаря графа, он решил обзавестись семьей и собирается проводить в Пенвуд-Парке больше времени. И хотя Софи не слишком скучала по графу в его отсутствие — трудно скучать по человеку, который не обращает на тебя внимания, — она полагала, что могла бы скучать по нему, если бы узнала его получше. Хорошо осведомленная горничная сказала, что у будущей жены графа уже есть две дочери и они приблизительно такого же возраста, что и Софи.

И Софи, прожившая одна-одинешенька в детской в течение семи лет, пришла в восторг. В отличие от соседских детей ее никогда не приглашали ни на какие детские праздники. Никто не говорил ей в глаза, что она незаконнорожденная — ведь это было бы равносильно тому, чтобы назвать графа, однажды объявившего, что Софи его подопечная, лгуном. Но в то же время граф никогда не настаивал на том, чтобы Софи принимали в приличном обществе. И поэтому лучшими друзьями Софи, которой исполнилось десять лет, были горничные и лакеи, а родителей заменяли экономка и дворецкий.

Но теперь у нее будут настоящие сестры!

Она понимала, что не сможет называть их сестрами. Знала, что ее представят как Софи Марию Бекетт, подопечную графа, но они будут чувствовать себя сестрами, а это самое главное.

И вот однажды ясным февральским днем Софи вместе с другими слугами стояла в большом холле, дожидаясь, когда на подъездной аллее покажется графская карета с новоиспеченной графиней, двумя ее дочерьми и, конечно, графом.

— Как вы думаете, она меня полюбит? — шепотом спросила Софи миссис Гиббонз, экономку. — Жена графа?

— Ну конечно, милая, — прошептала миссис Гиббонз в ответ, однако в ее глазах в отличие от тона не было такой уверенности. Новоиспеченная графиня могла и не слишком терпимо отнестись к присутствию в доме внебрачного ребенка своего мужа.

— И я буду заниматься вместе с ее дочками?

— Ну конечно. Какой смысл учить тебя отдельно?

Софи задумчиво кивнула и, увидев в окно, что на подъездной аллее показалась карета и покатила к дому, запрыгала и восторженно прошептала:

— Приехали!

Миссис Гиббонз протянула руку, чтобы погладить ее по головке, но Софи уже мчалась к окну, а добежав, так и прилипла к стеклу.

Первым из кареты вышел граф и помог спуститься двум девочкам, одетым в одинаковые черные пальтишки. Только ленты в волосах у них были разного цвета: у одной розовая, а у другой черная. Девочки отошли в сторону, а граф протянул руку и помог выйти из кареты последней пассажирке.

С замиранием сердца Софи ждала появления графини.

— Пожалуйста, Господи, — прошептала она, скрестив на счастье пальцы.

«Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы она меня полюбила».

Если бы графиня ее полюбила, может быть, и граф бы ее полюбил, и, может быть, даже если бы и не называл ее дочкой, но относился бы к ней как к таковой, и они стали бы настоящей семьей.

И вот новоиспеченная графиня вышла из кареты. Каждое ее движение было грациозным и безупречным, и Софи вдруг вспомнился изящный жаворонок, прилетавший время от времени к ним в сад поплескаться в ванночке для птиц. Графиня очень его напоминала. Сходство усиливало длинное бирюзовое перо на шляпке, переливавшееся под холодными солнечными лучами.

— Какая же она красивая, — прошептала Софи. Она оглянулась на миссис Гиббонз, но экономка стояла по стойке «смирно», не отрывая глаз от двери, и ждала, когда появится граф во главе своего новоиспеченного семейства и начнется официальное представление.

Софи судорожно сглотнула. Где же она должна стоять? Похоже, каждый знал свое место. Слуги выстроились в линейку согласно занимаемому в доме положению: от дворецкого до судомойки. Даже собаки смирно сидели в углу. Их держал на поводке обер-егермейстер.

А Софи не знала, куда ей становиться. Если бы она была по-настоящему дочерью хозяина дома, она должна была бы стоять рядом с гувернанткой. Если бы по-настоящему подопечной графа — то там же. Но мисс Тиммонз простудилась и отказалась выходить из детской и спускаться вниз. Никто из слуг ни на секунду не поверил, что гувернантка в самом деле больна — вчера она была абсолютно здорова, — однако обвинять ее ни у кого язык не повернулся. В конце концов, Софи была незаконнорожденной дочерью графа. А кому приятно оскорблять новоиспеченную графиню, представляя ей внебрачного отпрыска мужа?

А то, что Софи именно внебрачная дочь и никакая не подопечная, было видно невооруженным глазом, и графиня должна была быть слепой и наивной — или и той и другой, — чтобы этого не заметить.

Вне себя от страха и смущения, Софи забилась в угол, и в этот момент два лакея широким жестом распахнули парадные двери. Первыми вошли две девочки и отошли в сторону, давая дорогу графу, который торжественно ввел в дом графиню. Граф представил графиню и ее дочерей дворецкому, а дворецкий представил их слугам.

А Софи ждала.

Дворецкий представил хозяевам лакеев, главного повара, экономку, конюхов.

А Софи ждала.

Он представил кухарок, горничных и судомоек.

А Софи ждала.

И наконец, дворецкий — его звали Рамзи — представил судомойку по имени Далси, которую наняли всего неделю назад и которая занимала самое скромное положение среди низшей прислуги. Граф кивнул, пробормотал слова благодарности, а Софи все ждала, понятия не имея, что ей делать.

И решилась. Откашлявшись, она вышла вперед, смущенно улыбаясь. Она не много времени провела с графом, но всякий раз, когда он приезжал в Пенвуд-Парк, ее приводили к нему, и он всегда уделял ей несколько минут, спрашивал об уроках, после чего нетерпеливо приказывал ей возвращаться в детскую.

Наверняка он снова захочет спросить, как продвигается ее учеба, решила Софи, хотя и женился. Ведь интересно же ему узнать, что она уже освоила умножение дробей и что мисс Тиммонз совсем недавно похвалила ее, сказав, что у нее отличное французское произношение.

Но граф ее не слышал. Он в этот момент что-то говорил дочкам графини. Софи снова откашлялась, на сей раз громче, и тихонько пискнула:

— Милорд?

Граф обернулся.

— А, Софи, — пробормотал он. — Я и не знал, что ты в холле.

Софи так и просияла: он все-таки обратил на нее внимание.

— А это кто такая? — спросила графиня и шагнула вперед, чтобы лучше рассмотреть девочку.

— Моя подопечная, — ответил граф. — Мисс Софи Бекетт.

Графиня внимательно взглянула на Софи и слегка прищурилась.

Потом еще и еще, пока, наконец, глаза ее не превратились в узкие щелочки.

— Понятно, — проговорила она.

И все в холле тотчас же догадались, что именно ей понятно.

— Розамунд, Пози, ко мне, — скомандовала графиня.

Девочки тотчас же подошли к матери и встали от нее по обеим сторонам. Младшая улыбнулась Софи, однако старшая, с волосами золотистого цвета, взяла пример с матери: задрал нос, решительно отвернулась.

Софи сглотнула и снова улыбнулась младшей девочке, выказавшей ей больше дружелюбия, однако на сей раз та нерешительно прикусила нижнюю губу и уставилась в пол.

Повернувшись к Софи спиной, графиня обратилась к графу:

— Полагаю, вы распорядились приготовить комнаты для Розамунд и Пози?

Он кивнул:

— Рядом с детской, которую занимает Софи.

Наступило долгое молчание. Наконец, решив, по-видимому, что некоторые сражения нельзя проводить в присутствии слуг, графиня объявила:

— Сейчас мне хотелось бы подняться наверх.

И она ушла, забрав с собой графа и дочерей.

Софи проводила их взглядом, а когда они поднялись по лестнице и скрылись из вида, повернулась к миссис Гиббонз и спросила:

— Как вы думаете, может быть, мне пойти помочь им? Я могла бы показать девочкам детскую.

Миссис Гиббонз покачала головой.

— У них такой усталый вид, — соврала она. — Думаю, им не помешает немного поспать.

Софи нахмурилась. Ей сказали, что Розамунд одиннадцать лет, а Пози десять. Такие большие дети днем уже не спят.

Погладив ее по спине, миссис Гиббонз предложила:

— Почему бы тебе не пойти со мной? Я не возражаю против твоего общества, и кухарка мне сказала, что только что испекла песочное печенье. Должно быть, оно еще не остыло.

Софи кивнула и вышла следом за экономкой из холла. До вечера еще уйма времени. Успеет показать им детскую и познакомиться с ними поближе. Они станут подругами, а вскоре и самыми настоящими сестрами.

Софи улыбнулась. Как это здорово — иметь сестер!

Однако ни Розамунд, ни Пози — равно как и графа с графиней — Софи в тот день больше не увидела. Когда она вошла в детскую поужинать, то заметила, что стол накрыт на двоих, а не на четверых, а мисс Тиммонз — поразительно быстро поправившаяся после тяжелой болезни — сказала, что новая графиня предупредила ее, что Розамунд и Пози слишком устали с дороги и не будут сегодня ужинать.

Но поскольку девочкам нужно было заниматься, то на следующее утро они появились в детской. Впереди шествовала графиня, за ней, еле передвигая ноги, — Розамунд и Пози. Софи, которая занималась арифметикой уже целый час, обрадовалась передышке. Однако на сей раз она не стала улыбаться девочкам. Почему-то ей показалось, что лучше этого не делать.

— Мисс Тиммонз, — обратилась к гувернантке графиня.

— Да, миледи? — пробормотала та, поспешно присев в реверансе.

— Граф мне сказал, что вы будете учить моих дочерей.

— Я приложу все усилия, миледи.

Графиня указала на старшую девочку, ту, у которой были золотистые волосы и васильковые глаза. Софи она показалась необыкновенно хорошенькой: совсем как фарфоровая кукла, которую граф прислал из Лондона на день рождения, когда ей исполнилось семь лет.

— Это Розамунд. Ей одиннадцать лет. А это... — она указала на другую девочку, не отрывавшую взгляда от своих туфель, — Пози. Ей десять.

Софи с большим интересом взглянула на Пози. В отличие от матери и сестры волосы у нее были темные, глаза карие, а щеки пухловатые.

— Софи тоже десять, — сообщила мисс Тиммонз.

Графиня поджала губы.

— Я бы хотела, чтобы вы показали девочкам сад.

Мисс Тиммонз кивнула:

— Хорошо, миледи. Софи, положи доску. Мы вернемся к арифметике...

— Только моим девочкам, — перебила ее графиня, и в голосе ее послышались одновременно и раздраженные, и холодные нотки. — А я пока поговорю с Софи.

Судорожно сглотнув, Софи попыталась взглянуть графине в глаза, однако выше подбородка взгляд ее подняться не смог. Как только мисс Тиммонз вывела Розамунд и Пози из комнаты, она встала, ожидая от новой жены отца дальнейших указаний.

— Я знаю, кто ты, — заявила графиня, как только хлопнулась дверь.

— К... кто, миледи?

— Ты его незаконнорожденная дочь, и не смей этого отрицать.

Софи промолчала. Графиня сказала чистую правду, однако до нее никто никогда не произносил этого вслух. По крайней мере не говорил ей в лицо.

Ухватив Софи за подбородок, графиня сильно сжала его и запрокинула голову девочки вверх, заставив смотреть себе в глаза.

— А теперь послушай меня, — проговорила она голосом, полным злобы. — Пусть ты и живешь в Пенвуд-Парке и будешь заниматься вместе с моими дочерьми, но ты всего лишь подкидыш и навсегда ею останешься. Никогда — слышишь ты? — никогда не считай себя нам равной.

Софи тихонько застонала: ногти графини больно впились ей в подбородок.

— Мой муж, — продолжала графиня, — почему-то считает, что он перед тобой в долгу. Что ж, его желание исправлять свои ошибки достойно восхищения, но мне оскорбительно видеть тебя в своем доме. Видеть, как тебя кормят, одевают, учат, словно ты его настоящая дочь.

«Но я и есть его настоящая дочь, — хотелось крикнуть Софи. — И я живу в этом доме гораздо дольше вас!»

Неожиданно графиня отпустила подбородок Софи и прошипела:

— Я не хочу тебя видеть и запрещаю тебе приближаться ко мне. Я запрещаю тебе разговаривать с Розамунд и Пози вне уроков. Они теперь дочери хозяина дома и не должны иметь с такими, как ты, ничего общего. Тебе все понятно?

Софи кивнула.

— Хорошо, — бросила графиня и выплыла из комнаты.

А Софи осталась стоять ни жива ни мертва, чувствуя, что еще немного — и она разрыдается.

Со временем Софи стало известно немного больше о своем сомнительном положении в доме. Слуги всегда все знают, и то, что они узнавали, в конце концов доходило и до Софи.

Графиня — звали ее Араминта — в самый первый день потребовала, чтобы Софи убрали из дома. Граф отказался. От Араминты вовсе не требуется любить Софи, холодно заявил он, но считаться с ее присутствием придется. Он уже в течение семи лет выполняет свои обязательства по отношению к девочке, намерен это делать и впредь.

Розамунд и Пози, взяв пример с матери, относились к Софи холодно и враждебно, однако Пози не отличалась такой жестокостью, как сестра. Для Розамунд самым большим удовольствием было щипать Софи за руку с тыльной стороны, где кожа самая нежная, когда мисс Тиммонз не видит. Софи никогда не жаловалась: вряд ли у гувернантки хватило бы смелости сделать Розамунд выговор — та наверняка наябедничала бы Араминте, — а если кто-то и замечал, что руки ее вечно покрыты черно-синими отметинами, ничего об этом не говорил.

Временами Поззи относилась к Софи по-доброму, хотя чаще лишь вздыхала и произносила:

— Мама говорит, чтобы я близко к тебе не подходила.

Что касается графа, то он никогда не вмешивался.

Так и жила Софи на протяжении четырех лет, до того дня, когда граф поразил всех. Схватившись рукой за грудь во время чаепития в розовом саду, он прерывисто охнул и упал лицом вниз, прямо на каменный пол.

В сознание он так больше и не пришел.

Все были поражены, графу исполнилось всего сорок лет. Кто знал, что в таком молодом возрасте у него вдруг перестанет работать сердце? Но больше всех была потрясена Араминта, с первой брачной ночи безуспешно пытавшаяся зачать наследника, появление на свет которого имело бы огромное значение.

— Я могу быть беременна, — твердила она поверенным графа. — Вы не вправе передавать титул дальнему родственнику.

Но беременной она не была, и когда месяц спустя прочитали завещание графа — поверенные дали графине время, чтобы она удостоверилась в том, что не ждет ребенка, — Араминта была вынуждена сидеть рядом с новоиспеченным графом — непутевым молодым человеком, который чаще бывал пьяным, чем трезвым.

Вначале в завещании графа никаких сюрпризов не было. Он оставил некоторую сумму денег преданным слугам. Выделил щедрую сумму на приданое Розамунд, Поззи и даже Софи.

Но когда дошла очередь до Араминты, произошло неожиданное.

«Моей жене, Араминте Ганнингуорт, графине Пенвуд, я завещаю ежегодный доход в две тысячи фунтов...»

— И это все? — воскликнула пораженная Араминта.

«...если она не согласится взять на себя заботу о моей подопечной, мисс Софии Марии Бекетт, до достижения

последней двадцатилетнего возраста. В противном случае ее ежегодный доход утраивается и будет составлять шесть тысяч фунтов».

— Но я не желаю о ней заботиться, — прошептала Араминта.

— Вы можете этого и не делать, — напомнил ей поверенный. — В этом случае вы будете жить на...

— На жалкие две тысячи в год? — выпалила Араминта. — Ну уж нет!

Поверенный, имевший гораздо меньшую сумму, промолчал.

Новоиспеченный граф, не забывавший во время прочтения завещания прикладываться к бокалу, лишь пожал плечами.

Араминта встала.

— Каково ваше решение? — спросил поверенный.

— Я согласна, — тихо ответила Араминта.

— Мне привести девочку и все ей рассказать?

Араминта покачала головой:

— Я сама это сделаю.

Но когда Араминта нашла Софи, она рассказала ей не все, а упустила несколько важных фактов...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Самым знаменательным событием этого года — гвоздем сезона — можно с уверенностью считать бал-маскарад, который должен состояться в следующий понедельник в особняке Бриджертонов. Право, сейчас и шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на какую-нибудь великосветскую мамашу, рассуждающую либо о том, кого пригласят на этот бал, либо — что, пожалуй, самое важное — о том, кто во что будет одет.

Однако ни одна из вышеназванных тем не вызывает такого интереса, как самая в последнее время животрепещущая. И касается она двух неженатых братьев Бриджертонов, Бенедикта и Колина. (Предвосхищая возражения, что, мол, есть еще и третий неженатый Бриджертон, позвольте автору этих строк заверить вас, что она полностью в курсе существования Грегори Бриджертона. Однако ему всего лишь четырнадцать лет, а посему он не может иметь никакого отношения к теме данной колонки, касающейся самого почитаемого из всех видов спорта: охоты на женихов.)

И хотя мистеры Бриджертоны не являются носителями громких титулов, они по-прежнему считаются самыми завидными женихами этого сезона. Всем хорошо известен тот факт, что они владеют завидным состоянием и отличаются — это относится ко всем восьми отпрыскам Бриджертонов — весьма привлекательной внешностью.

Посчастливится ли какой-нибудь юной леди, воспользовавшись таинственностью маскарада, заманить в свои сети одного из самых блестящих женихов?

Автор этих строк даже не осмеливается об этом размышлять.

*«Светская хроника леди Уистлдаун»,
31 мая 1815 года*

— Софи! Софи-и-и!

От этих истошных воплей в окнах задрожали стекла.

— Иду, Розамунд! Иду! — крикнула Софи, чувствуя, что, если сестрица позовет ее еще раз, у нее лопнут барабанные перепонки. Подхватив грубые шерстяные юбки, Софи помчалась вверх по лестнице. На четвертой ступеньке она поскользнулась и уже готова была приземлиться, но вовремя ухватила за перила. И как это она забыла, что ступеньки скользкие? Ведь сама не далее как сегодня утром помогала горничной натирать их воском.

Затормозив на пороге спальни Розамунд и все еще тяжело дыша, Софи спросила:

— Да?

— Чай остыл.

Софи так и подмывало сказать: «Когда я принесла его тебе час назад, он был горячий. Нужно было сразу пить, паршивка ты эдакая!»

Но она сказала лишь:

— Я принесу тебе другой чайник.

— И побыстрее! — приказала Розамунд.

Растянув губы в улыбке — хотя эту гримасу лишь слепой мог бы принять за улыбку, — Софи взяла поднос с чайными принадлежностями.

— Бисквиты оставить? — спросила она.

Розамунд энергично замотала головой:

— Принеси свежие.

Сгибаясь под тяжестью подноса с чайником, чашками, тарелками и прочим, Софи вышла из комнаты, сдерживаясь, чтобы не высказать Розамунд все, что она о ней думает. Розамунд вечно требовала принести ей чай, потом забывала про него, а когда вспоминала, он уже был холодный и она приказывала принести горячий.